

УДК 94 (47) 05

РАЗВИТИЕ КАЙТАГО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 20-ГГ. XVIII В. (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Муртазаев А.О.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН», Махачкала, Россия (367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). e-mail: arslist777@mail.ru

Исследуется проблема кайтаго-российских отношений в период активизации южного кавказского вектора внешней политики России в 20-гг XVIII в., а именно в период правления Петра I. Освещение кайтаго-российских отношений в сложный исторический этап дает возможность восстановить относительно полную картину русско-дагестанских отношений, определить политическую линию дагестанских владетелей, направленную на ориентацию на Россию, рассмотреть этапы вхождения дагестанских политических образований в состав Российской империи, дать объективную оценку происходившим военно-политическим событиям в регионе. Рассматривается роль и место Кайтагского уцмийства в политике России на Кавказе, отношение Кайтагского уцмийства к политике России в регионе, освещаются военно-политические мероприятия как России, так и кайтагского правителя уцмий Ахмед-хана.

Ключевые слова: Кайтаг, Россия, Иран, Турция, Дагестан, дагестанские феодальные владения, владетели, отношения, политика, войска, сражение, уцмий.

DEVELOPMENT KAITAG-RUSSIA RELATIONS IN THE 20TH YEARS XVIII CENTURY (MILITARY-POLITICAL ASPECT)

Murtazayev A.O.

The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences

The problem of the kaitag-russian relations during activization of the southern Caucasian vector of foreign policy of Russia in 20th years of the XVIII century, namely in the period of Peter's I board is investigated. Interpreting of the kaitag-russian relations in a difficult historical stage, gives the chance to restore rather full picture of the Russian-Dagestan relations, to define the political line of the Dagestan possessors directed on orientation to Russia, to consider stages of occurrence of the Dagestan political educations in structure of the Russian Empire, to give the objective assessment, to occurring military-political events in the region. The role and place of the utsmiystvo of Kaitag in policy of Russia in the Caucasus, the relation of the utsmiystvo of Kaitag to policy of Russia in the region is considered, military-political actions as Russia, and the Kaitag governor an utsmiy Ahmed- khan are considered.

Keywords: Kaitag, Russia, Iran, Turkey, Dagestan, Dagestan feudal property, proprietors, relations, policy, armies, battle, utsmiy.

Введение

Как известно, на протяжении многих столетий Кайтаг (Кайтагское уцмийство) был одним из наиболее крупных, сильных и влиятельных феодальных владений Дагестана, которое начиналось в приморской низменности, охватывало предгорный и нагорный Дагестан. На севере оно граничило с Тарковским шамхальством, на юге – с Дербентом и Табасараном, на западе – с Казикумухским ханством и союзом сельских общин Акуша-Дарго, на востоке омывалось Каспийским морем. В изучаемое время оно представляло собой крупное, по масштабам Дагестана, феодальное владение, в котором проживали различные этнические группы (кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, горские евреи).

Цель статьи - показать характер военно-политических отношений Кайтага с Россией

в 20-гг. XVIII в. и особенно в период Каспийского похода Петра I, рассмотреть причины их обострения и последствия для Кайтагского уцмийства, каким образом этот процесс отразился на политической ситуации в Дагестане в целом.

Следует отметить, что активизация внешней политики России при Петре I, в том числе и в кавказском направлении самым прямым образом отражалась и на ситуации в Дагестане. Сказалось это и на характере взаимоотношений дагестанских владений как друг с другом, так и с соседними великими державами того времени – Ираном, Турцией и Россией. Взаимоотношения дагестанских политических структур имели большое значение для Дагестана, от их сплоченности, согласованности действий их правителей, порой зависело само существование дагестанских народов. Не раз им приходилось отстаивать самостоятельность и право на существование, побеждая армии завоевателей. Кайтаг, являясь крупным и сильным феодальным владением, играл важную роль во всех событиях Дагестана, и то, как складывались у него отношения с соседними державами, особенно с Российской империей, сказывалось на исторических процессах Дагестана в целом. Этим и обусловлена актуальность поднятой нами проблемы.

Антииранское восстание народов Дагестана и Азербайджана 1707-1721 гг. фактически привело к ликвидации иранского господства в Кавказском регионе. Используя тяжелое положение сефевидского Ирана, Турция планировала вытеснить Иран с Кавказа и стать полновластным хозяином над этим стратегическим регионом. Россия, укрепляя в ходе петровских преобразований, также стремилась утвердить военно-политическое и экономическое господство над этим регионом. Учитывая все это, они начали действовать.

Турцией был принят в подданство Хаджи-Дауд и утвержден ханом Ширвана с признанием его власти над всем Дагестаном. Официально об этом было объявлено русскому послу Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1722 г. [4]. Такая активность турецких властей очень обеспокоила Россию. Ответным шагом России стало решение начать военный поход. Официальным предлогом был объявлен инцидент с русскими купцами в Шемахе. Каспийский поход Петра I, известный также как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в. [17; 18].

Прикаспийские области интересовали Петра I как с экономической, так и военно-стратегической точки зрения. Граничащие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Иран вели между собой многовековую борьбу за господство в Прикаспии и на Ближнем Востоке. Тем временем, пользуясь тяжелым положением, которое переживал Иран, Османская империя решила «к себе присовокупить владения на Кавказе» [10]. О плане и намерениях Порты хорошо знали русские власти. Усиление позиций Османской империи на Кавказе не

отвечало интересам России в этом регионе.

Вступление войск Петра I в Дагестан привел в некоторое замешательство наиболее сильных феодальных владетелей. Так, убежавший из плена грузин Ф. Георгиев, который находился в заточении в селении Губден сообщил, что Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтагский планировали оказать сопротивление императорским войскам и призывали к этому шамхала Тарковского Адиль-Гирея [14]. Но никаких действий с их стороны не последовало. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «следует великое приготовление к войне» [8].

В Дагестане войска Петра I не встретили серьезного сопротивления. 6 августа недалеко от селения Аксай Петра I встречали с подарками: шамхал Тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом [15]. 16 августа армия Петра I выступила из Тарки, резиденции шамхала, в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом кампании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – пишет В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприязненных действий уцмий Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского» [9]. Подстрекаемый Турцией уцмий Ахмед-хан с помощью своего вассала, правителя Утамышского владения, организовал нападение на русские войска, но войска горцев без особого труда были разгромлены [6].

Дойдя до Утамышских владений, император послал одного офицера с тремя казаками с письмом к утамышскому султану, «чтобы он либо сам пришел, либо прислал депутатов в лагерь, для принятия повелений протекции от государя» [14]. Но султан, вместо ответа приказал «бесчеловечным образом изрубить отправленного к нему с письмами Казацкого есаула с тремя казаками, войско же его, состоявшее из 10000 человек своих и из 6000 усмеевых, хотело нечаянно напасть на русские войска, но было разбито и преследовано до самого Утемыша, который превращен в пепел. То же самое учинено и с шестью другими его владения местами. Число убитых и раненых простиралось до 1000 человек. Скота взято 7000 быков и до 4000 баранов, не считая другого их имущества. Несколько подданных сего султана, взятых в плен, казнены смертью за учиненное ими с есаулом казацким бесчеловечие» [16]. Однозначных данных о количестве войск, участвовавших в нападении на русское войско, нет. Так, А.-К. Бакиханов также говорит о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского» [2]. О 16-тысячном войске, которое возглавлял султан Махмуд, сообщал и Ф.И. Соймонов [18]. Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якши-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина было пехота» [3].

Очень интересные и весьма ценные сведения о сражении объединенного войска уцмий Кайтагского и султана Утамышского приводит непосредственный участник (иностранец) персидского похода Петра I Брюс. Так, он сообщал, что «горцы на поле сражения оставили от шестисот до семисот человек убитыми, 40 человек было взято в плен. Между ними находилось несколько сановников, а также магометанский священник, который был одним из их предводителей и который не только не отклонил жестокое убийство трех казаков, но и сам участвовал в этом. Их тела нашли впоследствии драгуны вблизи султанского дворца насаженными на кол, когда они их преследовали до ворот, и убивали всех, кто им попадался, и они бежали перед тремя тысячами человек, а своих жен и дочерей они отослали в горы, прежде чем пошли в эту экспедицию; после этого была сожжена султанская резиденция и 6 других деревень совершенно опустошены. Драгуны и казаки вернулись с богатой добычей. Был повешен 21 пленник в возмездие за жестокую смерть трех казаков. Священника четвертовали» [14]. Петр I в своем письме Сенату писал, что после завершения всех боевых действий его люди насчитывали около 600 убитых неприятелей, в плен же попало 30 человек [14]. Это показывает упорное сопротивление оборонявшихся, что подтверждается и другим свидетельством: «Они, нападая на российские войска, бились запальчиво и долго стояли в сражении, ибо сначала не можно было поставить против них довольную силу, но когда в бой вступили основные силы, ополченцы вынуждены были поспешно отступить», – писал Ф.И. Соимонов [18].

Из допросов пленных стало известно, что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмий, но и других владений, таких как Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден и даже из Казикумуха. Один из пленных сообщал, что в нападении на российские войска участвовали даже табасаранцы [14].

Одновременно с этим, уцмий Кайтагский Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь и заручившись поддержкой других владетелей, он вернулся в Кайтаг, а через 4 дня, 23 августа, уцмий уже направляет Петру I прошение о принятии его на «царскую службу». Интересно, что Петр I в своем описании утамышского инцидента даже не упоминает уцмий [15]. Так, организовавший его Ахмед-хан «подставил» султана Махмуда, а сам остался в стороне.

Пройдя через владения уцмий Кайтагского, 23 августа русские войска, под руководством Петра I, без боя вступили в Дербент [16]. Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива

двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра I отказаться от продолжения похода [15]. Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России» [12]. Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I выступил в Астрахань. По указанию императора на р. Сулак была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского [16].

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Петр I с основными силами отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

Возвращающиеся сухопутным путем вслед за Петром войсковые части подвергались постоянным атакам, по большей части организованным уцмием Ахмед-ханом, которые наносили существенный урон войскам. В одном из источников говорится, что «уцмий и владелец Утамышский для нападения на русские войска собрали до 20 000 тыс. человек» [14].

Не лучше обстояли дела с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал, что уцмий напал на только что построенную фортецию и увез оттуда пушки. «... По отшествии вашем злодей и изменник усмей (уцмий. – А.М.), – сообщается в письме, – сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопостроенную от вас в Кайтаге фортецию, человек с 150 побили и пушки отобрав с собою увез...» [14]. Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кули-бека в послании от 27 сентября 1722 г. В нем говорилось, что уцмий захватил крепость на реке Дарбаге и перебил весь гарнизон. Табасаранский владелец организовал нападение на крепость на реке Рубас. В источнике говорится: «... по возвращении вашего величества отсюда построенную по указу вашего величества крепость по реке Дарбаге изменник усмий взял и пред тою крепость найдено убитых три человека, и прочие все убиты в городе, а которая крепость на Рубасе и к той собравшись Мясум (майсум. – А.М.) через три дня приступил и бился, в которой баталии человека, с четыре из казаков убили и восемь человек из солдат ранили и слышали мы, что Дауд-бек собравшись многолюдством намерены к тому городу приступать» [3].

Выходит, что, кроме уцмий, участие в нападениях на военные укрепления принимали и другие дагестанские владетели. Надо полагать, что тут не обошлось без вмешательства Турции. 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было послано воззвание «выслать всех магометанцев, какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им... против русских весьма жестоко биться» [16]. Но тогда шамхал остался верен России. Не исключено, что такого рода воззвания получили и другие владетели, которые обнадеживались большими подарками и поддержкой турецких войск. Есть сведения, что Турция, обеспокоенная продвижением войск Петра I в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкие наступления и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняются их столь активные действия против русских войск [11].

Не проходит и месяца с момента взятия крепости на реке Дарбаге, как Петр I получает новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмий Ахмед-хана, султана Махмуда Утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас [14]. За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Петр I в послании Сенату об этом пишет следующее: «...в крепости Святой Крест к нам присоединились калмыки, которые тот час же были отправлены с 1000 человек донских казаков для большого наказания уцмий, тревожившего нас и при обратном движении, которого намерены сами посетить, но за скудностью и худобой оставших лошадей того учинить не могли» [15].

Посланный отряд под командованием атамана Краснощекова разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге, но, получив вновь огромную добычу разного рода имуществом и скотом, возвратился к армии с 350 человек пленных [9; 17].

Но эта акция русских властей не только не остановило уцмий, наоборот, подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения с Петром I были испорчены серьезно. Это видно хотя бы по инструкции, посланной царем в ноябре 1722 г. Матюшкину: «...ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, то оных принимать – кроме уцмий и утамышского владельцев как нам противных... Драгунам конным надлежит с казаками действовать и, как только возможно, разорять уцмий и прочих противных – также помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы...» [9]. Ахмед-хан действительно подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. Вместе с уцмием в нападениях на Дербент участвовал и Хаджи-Дауд [14].

В это же время ухудшились отношения уцмий Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем»

(уцмий. – А.М.) [14]. По сообщению дербентского наиба Петру I незадолго до этого, «Сурхай имел пересылки с усмеем и объявил ему, что желает служить его императорскому величеству и намерен с помощью божиего искоренять противников» [14]. Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытается использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначила наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. Оказались задеты честь и достоинство Сурхая и сорваны его планы по овладению Ширваном. В этом-то он хотел опереться на Россию. А «искоренением» уцмия он рассчитывал на милость императора и помощь в деле реализации своего плана. Кроме того, столкнулись интересы уцмия Ахмед-хана и Сурхай-хана в северном Азербайджане. Последний даже попытался вместе с шамхалом напасть на владение уцмия [14].

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владельцами продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владельцы, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь идет о разделе Ширвана. В этой связи дербентский наиб Имам-Кули-бек сообщил Петру I, что дагестанские владельцы собрались в Худате с тем, чтобы разделить между собой «ширванскую провинцию» [14].

Одновременно с этим русские власти получают сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест [14]. Тем временем уцмий оставляет Кайтаг и отправляется в Ширван, но вместе с этим он пытается отгородить свое владение от возможных повторных нападений царских войск. Поэтому он вступает в переговоры с русскими властями о вступлении в российское подданство [14]. Но процесс этот оказывается долгим и тяжелым, на что, по-видимому, и рассчитывал уцмий Ахмед-хан, ведь его цель не подданство, а безопасность, а пока идут переговоры, можно не опасаться нападения. При этом он энергично действует в Ширване. Источники свидетельствуют, что за это время у шамхала и уцмия было уже три сражения с шемахинцами в которых последние потерпели крупное поражение. Шемахинцам пришлось согласиться с условиями победителей – принять наибами в Шемахе сыновей шамхала и уцмия [14]. Но детей своих они здесь не оставили, возможно, потому что в Шемаху прибыл турецкий комендант Алибей.

В это же время русские власти получают известие о том, что дагестанские владельцы совершили крупный военный поход в Грузию и Армению: «...тавлинцы и усмийцы и протчих владельцев татара собравшись еще на святой неделе во многих тысячах и пошли де на грузинцев и на армян...», – сказано в источнике [14]. Объяснялось это тем, что российские войска с тяжелыми пушками не могли продвигаться в горы, тогда как союзники

России – грузины и армяне со своими конными отрядами могли «чинить великую обиду» [14]. Здесь ясно прослеживаются замыслы дагестанских владетелей. Они готовят крупную военную акцию, направленную против российских войск в Дагестане. Вместе с тем не забывают обезопасить себя от возможного нападения со стороны союзников России в этом регионе.

Между тем продолжают переговоры уцмия с русскими властями о принятии его в российское подданство, которые он затягивает под различными предлогами. По-видимому, Ахмед-хан учитывал и высадку русских войск в Баку, Сальянах, Реште, и русско-иранский договор 1723 г. с ожидаемой передачей России владений Ирана к западу и югу от Каспия, и турецкое наступление 1723 г. в Закавказье. 12 июня 1724 г. в Константинополе подписывается русско-турецкий договор о разграничении сфер влияния на Кавказе. По условиям договора в российскую зону входили в районе Дербента все земли на 22 часа езды верхом от берега моря [13]. Сыграть на противоречиях противоборствующих сторон у Ахмед-хана вроде нет необходимости. Возможно, его намерение открытого военного выступления вместе с шамхалом и другими против России было последней попыткой сохранить свою самостоятельность. Но осторожный Ахмед-хан решил сделать это чужими руками. Он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, но когда это случилось, Ахмед-хан вновь не сдержал свое слово и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамышским. В пользу этой версии говорят сведения, содержащиеся в трудах И.-Г. Гербера и П.Г. Буткова [3; 5].

Как известно, попытка Адиль-Гирея захватить крепость Святой Крест окончилась провалом, его отряды были разбиты, он сам пленен и выслан в Россию. Вскоре после этого уцмий Кайтага вновь «изъявил покорность» российскому правительству, дал присягу в верности со своими сыновьями и старшинами и представил аманатов в Дербентскую крепость [7]. Следует отметить, что кубачинцы присягнули с уцмием в 1725 г. Через год при «помощи» уцмия присягают и акушинцы. Долгорукий писал, что уцмий поссорился с Сурхай-ханом (отношения которого с Россией были весьма осложненные) и склонил в русское подданство «аварского усмея» (т.е. Умахана), чем доказал на деле свою лояльность [12]. В документах того времени отмечается, что именно Ахмед-хан склонил аварского хана в 1727 г. к российскому подданству, что привело к изоляции Сурхай-хана. Российские власти считали это событие большим политическим успехом, отношения их к Ахмед-хану сразу стало благожелательным. Тогда же он был принят в российское подданство [16].

Официальная присяга была принесена уцмием Ахмед-ханом в садах в 4 верстах от Дербента в 1727 г. Так, в «дипломе», выданном русскими властями Ахмед-хану на уцмийское достоинство, констатируется: «...Ахмед-хан через верное свое подданство е.и.в...

усердные свои службы показывать присягою обещает, того ради по данной ныне полной мочи... вышереченного Ахмед-хана в чине и достоинстве в усмейском в провинции подтверждаю с таким определением, дабы ему все подчиненные должное подчинение яко усмею, и надлежащее послушание отдавали...» [15].

Вместе с уцмием присягнули его сыновья, а также и утамышский султан Махмуд и «брат шамхала Атачук», который прежде ни в чьем подданстве не был. Присутствовали старшины и народ «с ним владения его около 4 тыс. человек» [15].

Таким образом, к началу 30-х годов XVIII в. присягу на верность России приняло подавляющее большинство правителей и представителей местного населения. «Теперь один Сурхай остался в противности и оттого великого опасения не чаю, – писал в Петербург Долгорукий, – однако ж пакости чинить может, и буду трудиться каким случаем и его склонить, понеже дорога, ближе к склонению Сурхая по присяге Усмеевой, а без Усмeya Сурхай слаб стал» [1].

В своем донесении руководству в 1730 г. генерал А. Румянцев опасался, что малочисленное русское войско (около 7 тыс. на все пространство от Дербента до Сальян) не смогло бы сдерживать напор кочевников Мугани, но тут же выражена надежда, что с помощью усмея и шамхальского сына «этих кызылбашей» можно разбить [11]. Выходит, что в планах русской военной администрации уцмий Ахмед-хан и «шамхальский сын» выглядят как дополнительная сила.

Из вышесказанного видно, что российские власти в Дагестане расценивали политическую роль кайтагского владетеля достаточно весомой.

Таким образом, активизация внешней политики России в кавказском направлении кардинальным образом сказывалась на внутривластной ситуации в Дагестане: сложившая традиционная система политического устройства оказалась разрушенной.

Отношения Кайтагского уцмийства с рядом дагестанских владений претерпели существенные изменения: с одними резко ухудшились – с другими приняли союзнический и стратегический характер.

Кайтагское уцмийство после упразднения шамхальства стало ведущей политической структурой Дагестана.

Отношения Кайтага с Россией носили сложный характер, но к концу 20-х гг. XVIII в. постепенно стабилизировались. Начался процесс постепенной интеграции дагестанских народов в политическую и экономическую систему Российской империи.

Список литературы

1. АВПР.Ф. 7 Оп. 7711. 1728. Д. 18. Л. 17.
2. Бакиханов А.К. Гюлистан-и-Ирам. - Баку, 1926. - С. 105.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. - СПб., 1869. - Ч. I. - 548 с.
4. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. - М., 1965. - 391 с.
5. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архив. материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. - М., 1958. - 371 с.
6. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / сост. В.Г. Гаджиев. - Махачкала, 1992. - 301 с.
7. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. - СПб., 1881. - Т. I. - 506 с.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. - М., 1988. - 544 с.
9. Комаров В. Персидская война 1722–1724 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. - М., 1867. - С. 553–616.
10. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. - Махачкала, 1997. - 296 с.
11. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. - Махачкала, 1999. - Ч. II. - 504 с.
12. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. - М., 1966. - 323 с.
13. Полный текст Константинопольского договора // ПСЗ. - Т. 6. - № 4531.
14. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322, 58, 59, 60, 560, 60, 278.
15. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сб. док. / сост. В.Г. Гаджиев, Д.С. Габиев и др. - М., 1988. - 357 с.
16. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. - Махачкала, 1958. - 336 с.
17. О персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Оттиск из журнала «Русский архив». - 1899. - № 12. - С. 484.
18. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. - СПб. : Тип. Импер. АН., 1763. – С. 90.
19. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. - М., 1991. - 224 с.

Рецензенты:

Магомедов Н.А., д.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала.

Алиев Б.Г., д.и.н., главный научный сотрудник отдела древней и средневековой истории
Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала.

RETRACTED